

Agatha Christie®
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie®

Агата
Кристи

Смерть
лорда Эджвера

Москва
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
LORD EDGWARE DIES

Copyright © 1933 Agatha Christie Limited. All rights reserved
AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature
are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK
and/or elsewhere. All rights reserved.

Кристи, Агата.
К82 Смерть лорда Эджвера / Агата Кристи ; [пер. с
англ. А. Бураковской]. — Москва : Эксмо, 2015. —
288 с. — (Агата Кристи. Серебряная коллекция).

ISBN 978-5-699-80668-3

Американская актриса Сильвия Уилкинсон уже давно не скрывала, что хотела бы расстаться со своим мужем, лордом Эджвером. Ведь у нее на примете был мужчина и познатнее, и побогаче... Поэтому, когда Эджвера нашли мертвым у себя в кабинете, ни у кого не возникло сомнений в виновности Сильвии. Тем более что некоторые обстоятельства указывали на ее прямое участие в смерти мужа. Актриса попросила великого детектива Эркюля Пуаро помочь ей спасти свое имя от несмываемого позора. Но как сыщик может поверить Уилкинсон в том, что она невиновна, если совсем недавно новоиспеченная вдова просила Пуаро о совсем иной услуге — помочь ей избавиться от своего мужа?..

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Бураковская А. Ю., перевод на русский
язык, наследники, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80668-3

Глава 1

В ТЕАТРЕ

У людей короткая память. Сейчас уже кажется, что убийство Джорджа Альфреда Сент-Винсент Марша, четвертого барона Эджвера, столь ужаснувшее и взволновавшее общество, произошло давным-давно. Его сменили новые сенсации.

Имя моего друга Эркюля Пуаро никогда не упоминалось публично в связи с этим делом. Должен сказать, что такова была его воля. Он предпочел остаться в тени. Лавры пожинали другие, и это его вполне устраивало. Более того, сам Пуаро был почему-то совершенно убежден в том, что дело это раскрыл не он. Мой друг и сегодня утверждает, что на путь истинный его направила случайно услышанная им фраза, которую произнес на улице какой-то прохожий.

Тем не менее разгадкой тайны мы обязаны гению Эркюля Пуаро. Если бы не он, вряд ли истинный убийца был бы найден.

Именно поэтому я считаю, что пришло время черным по белому изложить все, что мне известно. Я досконально знаю все детали дела, а кроме того,

меня — не стану скрывать — просила рассказать о нем одна прелестная дама.

Я часто вспоминаю тот день, когда мы собрались в безупречно убранной гостиной Пуаро, и мой маленький друг, меряя шагами одну и ту же полоску на ковре, наповал сразил нас неопровержимыми доказательствами. Как и Пуаро, я начну свое повествование с театрального представления, которое видел в Лондоне в июне прошлого года.

Весь город был тогда без ума от Карлотты Адамс. Годом раньше она дала несколько выступлений, которые принесли ей огромный успех. Теперь же у нее был трехнедельный ангажемент, и мы присутствовали на предпоследнем выступлении.

Карлотта Адамс, уроженка Америки, обладала изумительным талантом разыгрывать смешные сценки, не пользуясь косметикой, не прибегая к помощи партнеров и без декораций. Она с одинаковой легкостью говорила на любом языке (или заставляла вас так думать). Скетч «Вечер в заграничном отеле» был уморительным. На сцене один за другим появлялись американские туристы, немецкие туристы, английские семьи среднего достатка, дамы сомнительной репутации, обнищавшие русские аристократы, томные и учтивые официанты.

Грустные скетчи сменялись веселыми, и наоборот. На чешку, умирающую в больнице, невозможно было смотреть без комка в горле. Минутой позже вы до слез хохотали над тем, как зубной врач манипулирует над своей жертвой, дружески с ней беседуя.

Заканчивалась программа номером, который Карлотта Адамс назвала «Имитации».

В нем снова проявился ее недюжинный ум. Черты ее лица, совершенно лишенного косметики, как бы растворялись, и перед зрителями вдруг возникало лицо известного политика, или знаменитой актрисы, или светской красавицы. Каждый ее персонаж произносил небольшой монолог, и эти монологи были составлены чрезвычайно тонко. Они подчеркивали все слабости избранных ею людей.

Одной из последних она имитировала Сильвию Уилкинсон — талантливую молодую американскую актрису, хорошо известную в Лондоне. Номер был продуман замечательно. Банальности, слетавшие с ее уст, наполнялись удивительно мощным чувством, и вам, помимо вашей воли, начинало казаться, что каждое сказанное ею слово обладает глубоким смыслом. Ее голос, изысканно смодулированный, с хрипловатой трещинкой, завораживал. Сдержанные жесты, исполненные непередаваемой значительности, фигура, как бы колеблемая невидимым ветром, и даже полное ощущение редкой физической красоты — как ей это удавалось, я понять не могу!

Я всегда был поклонником несравненной Сильвии Уилкинсон и восторгался ее драматическими ролями, а тем, кто считал, что она красавица, но не актриса, я возражал, что у нее прекрасные сценические способности.

Было немного жутковато слышать этот знакомый, с мрачными провалами голос, который так

часто волновал меня, видеть, как медленно сжимаются и разжимаются пальцы ее руки, как разлетаются волосы, когда она откидывала назад голову, — этим жестом она всегда заканчивала эмоционально насыщенную сцену.

Сильвия Уилкинсон была одной из тех актрис, которые, выходя замуж, оставляют сцену для того только, чтобы через несколько лет вернуться назад.

Тремя годами раньше она вышла замуж за богатого, но странного лорда Эджвера. По слухам, она оставила его вскоре после свадьбы. Как бы то ни было, через полтора года она уже снималась в Америке, а в этом сезоне появилась в Лондоне, в пьесе, имевшей большой успех.

Наблюдая за умно построенным, хотя и достаточно едким представлением Карлотты Адамс, я вдруг задумался над тем, как к нему относятся люди, которых она имитирует. Льстит ли им такого рода слава — и реклама? Или их раздражает демонстрация самого сокровенного, что у них есть, — профессиональных приемов? Ведь Карлотта Адамс ставила себя в положение фокусника, который говорит о трюках соперника: «Ну, это давно устарело. И делается очень просто. Хотите, покажу?»

Я решил, что если бы объектом такой пародии был я, то она не доставила бы мне никакого удовольствия. Конечно, я бы скрыл раздражение, но был бы очень недоволен. Надо обладать поистине безграничной широтой взглядов и неистощимым чувством юмора, чтобы веселиться, глядя на столь безжалостное разоблачение.

Едва я успел прийти к такому выводу, как изумительный, хрипловатый смех, звучащий со сцены, эхом отозвался позади меня.

Я резко повернулся. Прямо за мной, подавшись вперед, сидела леди Эджвер, больше известная как Сильвия Уилкинсон — предмет происходившего на сцене.

Мне сразу же стало ясно, что я ошибся в своих выводах. В ее глазах сияло выражение удовольствия и восторга, прелестные губы дрожали от смеха.

Когда «имитация» закончилась, она громко зааплодировала, повернувшись к своему спутнику, высокому и красивому, как греческий бог, чье лицо было мне знакомо больше по экрану, чем по сцене. Это был Брайан Мартин, самый популярный в то время киноактер, снимавшийся с Сильвией Уилкинсон в нескольких фильмах.

— По-моему, потрясающе! — сказала леди Эджвер. Он рассмеялся.

— Сильвия, ты и впрямь в восторге.

— Но ведь она просто молодец! И намного лучше, чем я думала!

Шутливого ответа Брайана Мартина я не слышал. Карлотта Адамс перешла к следующей имитации.

А то, что случилось позднее, я всегда буду считать очень интересным совпадением.

После театра Пуаро и я отправились ужинать в «Савой».

Неподалеку от нашего столика сидели леди Эджвер, Брайан Мартин и двое незнакомых мне лю-

дей. Я указал на них Пуаро, и в этот момент к пустовавшему соседнему столику подошла и заняла свои места еще одна пара. Лицо женщины было мне знакомо, но, как ни странно, я несколько мгновений не мог сообразить, кто она.

И вдруг я понял, что это Карлотта Адамс! Мужчины я не знал. Он был хорошо одет, с жизнерадостным, но каким-то бесцветным лицом. Я таких недолюбляю.

Карлотта Адамс была одета в очень простое черное платье. Ее лицо было незапоминающимся — одним из тех подвижных, живых лиц, которые почти все время кого-то изображают. Оно легко принимало чужие черты, но своих, узнаваемых, у него не было.

Я поделился своими наблюдениями с Пуаро. Он внимательно выслушал меня и, склонив к плечу свою яйцевидную голову, цепким взглядом охватил два столика, к которым я привлек его внимание.

— Стало быть, это и есть леди Эджвер? Да-да, припоминаю, я видел ее на сцене. Она *belle femme*.

— И хорошая актриса.

— Возможно.

— Вы в этом не уверены?

— Видите ли, мой друг, все зависит от обстоятельств. Если она играет главную роль в пьесе и все действие вращается вокруг нее, тогда она играет хорошо. Но я сомневаюсь, что она может сыграть как надо маленькую роль или даже то, что называют характерной ролью. Пьеса должна быть написана **о ней** и **для нее**. Мне кажется, что она принадле-

жит к тем женщинам, которых интересуют только они сами. — Он помолчал и неожиданно добавил: — Таких людей всю жизнь караулит несчастье.

— Несчастье? — удивленно переспросил я.

— Кажется, я удивил вас, друг мой. Да, несчастье. Потому что такая женщина видит только одно — себя. Она не замечает горя и бед, которые ее окружают, тех противоборствующих идей и поступков, которые составляют жизнь. Нет, они видят только свою дорогу. Поэтому рано или поздно их постигает несчастье.

Мне стало интересно. Честно говоря, я бы до такого вряд ли додумался.

— Ну а другая? — спросил я.

— Мисс Адамс?

Пуаро перевел взгляд на ее столик.

— А что бы вы хотели о ней услышать? — улыбаясь, спросил он.

— Только то, что вы о ней думаете.

— А разве я сегодня вечером играю роль прорицательницы, которая гадает по ладони и рассказывает, кто есть кто?

— Но у вас это получается лучше, чем у кого-либо другого, — возразил я.

— Как мило, что вы верите в меня, Гастингс. Я тронут. Но разве вам неизвестно, что каждый из нас — загадка, клубок противоположных страстей, желаний и склонностей. *Mais oui, c'est vrai*. Мы делаем свои маленькие выводы и в девяти случаях из десяти оказываемся не правы.

— Только не Эркюль Пуаро, — сказал я, улыбаясь.

— Даже Эркюль Пуаро! О, я отлично знаю, что вы всегда считали меня тщеславным, но уверяю вас, я человек скромный.

Я рассмеялся:

— Вы — скромный!

— Совершенно верно. Правда, должен сознаться, что своими усами я действительно немного горжусь. Ничего подобного им я в Лондоне не видал.

— В этом отношении, — сухо отозвался я, — вы можете быть совершенно спокойны. Вторых таких нет. Итак, вы не рискуете вынести суждение о Карлотте Адамс?

— Elle est artiste, — просто ответил Пуаро. — Этим все сказано, не так ли?

— Однако вы не считаете, что ее подстерегает опасность?

— Она нас всех подстерегает, — сурово сказал Пуаро. — Несчастье всегда терпеливо ждет своего часа. А что касается вашего вопроса, то скорее всего мисс Адамс ждет удача. Вы, конечно, заметили, что она еврейка?

Я этого не заметил, но теперь, после слов Пуаро, я увидел, что в ее лице действительно есть что-то семитское. Пуаро кивнул.

— Значит, она удачлива. Хотя следует сказать, что есть такая дорога, на которой и ее может постигнуть несчастье — мы ведь говорим о несчастье.

— Что вы имеете в виду?

— Любовь к деньгам. Таких, как она, любовь к деньгам может лишитъ благоразумия и осторожности.

— Такое может случиться с каждым, — сказал я.

— Вы правы, но вы или я, во всяком случае, помнили бы об опасности. Мы бы взвешивали «за» и «против». А если человек слишком любит деньги, то все остальное остается как бы в тени.

Его серьезность рассмешила меня.

— Королева цыганок Эсмеральда сегодня в хорошей форме, — поддразнил я его.

— Психология людей очень интересна, — спокойно продолжал Пуаро, — невозможно интересоваться преступлениями, не интересуясь психологией. Профессионала занимает не сам акт убийства, а то, что лежит за ним. Вы меня понимаете, Гастингс?

Я заверил его, что понимаю.

— Я замечал, Гастингс, что, когда мы работаем над каким-нибудь делом вместе, вы всегда побуждаете меня к физическим действиям. Вам хочется, чтобы я измерял отпечатки подошв, разглядывал сигаретный пепел и ползал бы по полу в поисках доказательств. Мне никак не удастся убедить вас, что если удобно устроиться в кресле и закрыть глаза, то решить любую проблему становится гораздо легче.

— Только не мне, — сказал я. — Когда я удобно устраиваюсь в кресле и закрываю глаза, со мной всякий раз происходит одно и то же.

— Знаю, — кивнул Пуаро, — это странно! В та-

кие минуты мозг должен работать с особой четкостью, а никак не спать. Умственная деятельность — это так интересно, так стимулирует! Функционирование маленьких серых клеточек доставляет интеллектуальное наслаждение. Они, и только они, выводят нас из тумана к правде...

Честно говоря, я всегда переключаю свое внимание на что-нибудь другое, как только Пуаро упоминает о маленьких серых клеточках. Я столько раз о них слышал!

На сей раз мое внимание было направлено на четырех сидевших неподалеку людей, и когда я почувствовал, что монолог Пуаро приближается к концу, то заметил с усмешкой:

— Вы неотразимы, Пуаро. Прелестная леди Эджвер не в силах оторвать от вас взгляда.

— Должно быть, кто-то объяснил ей, кто я такой, — ответил Пуаро, безуспешно напуская на себя скромный вид.

— Скорее это ваши знаменитые усы, — сказал я, — она потрясена их красотой.

Пуаро нежно коснулся усов рукой.

— Да, они уникальны, — констатировал он. — Ах, мой друг, цитирую вас — «зубная щетка», которую носите вы, — какой это ужас, какое варварство, какое насилие над природой! Ступите на верный путь, пока не поздно, умоляю вас!»

— Смотрите-ка, — воскликнул я, пропуская взгляды Пуаро мимо ушей, — она встает! Кажется, она собирается подойти к нам. Брайан Мартин старается ее удержать, но она его не слушает.

И действительно, Сильвия Уилкинсон, поднявшись со своего места, решительно направилась к нашему столику. Пуаро встал и поклонился. Я тоже встал.

— Мсье Эркюль Пуаро? — раздался мягкий, хрипловатый голос.

— К вашим услугам.

— Мсье Пуаро, я хотела бы с вами поговорить. Мне нужно с вами поговорить.

— Прошу вас, мадам, садитесь.

— Нет-нет, только не здесь. Я хочу поговорить с вами конфиденциально. Мы сейчас поднимемся в мой номер.

— Подожди, Сильвия, — возразил очутившийся рядом с ней Брайан Мартин. Он принужденно рассмеялся. — Мы ведь ужинаем. И мсье Пуаро тоже.

Но Сильвию Уилкинсон не так-то легко было сбить с намеченного пути.

— Ну и что? — недоуменно спросила она. — Пусть ужин отнесут ко мне наверх. Пожалуйста, Брайан, позаботься об этом. Да, и еще...

Она сделала несколько шагов вслед за мистером Мартином, который отправился выполнять ее поручение, и стала с жаром что-то ему говорить. По тому, как он хмурился и качал головой, мне казалось, что он не хочет с ней соглашаться, но она усилила натиск, и в конце концов он, пожав плечами, уступил.

В продолжение этого разговора она несколько раз взглянула в сторону, где сидела Карлотта Адамс,